

В. П. Толстиков

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

*(Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре
в конце VI — первой половине V в. до н. э.)*

В последние годы вышел в свет ряд работ, посвященных проблемам ранней истории античных государств Северного Причерноморья, в том числе и проблеме образования Боспорского государства¹.

Этот вновь усилившийся в отечественной науке интерес к данной проблематике — явление закономерное, обусловленное прежде всего необходимостью осмысления и интерпретации той суммы материалов и фактов, которые накоплены в настоящее время в процессе многолетних исследований в боспорском и ольвийском регионах. Несомненно стимулирующую роль сыграли здесь также итоги плодотворной дискуссии по проблемам колонизации Причерноморья и развития греческих апоекий в постколониационный период².

Рассматривая вероятные причины, обусловившие объединение независимых полисов под эгидой Археанактидов в 480/79 гг. до н. э. (Diod., XII, 31, 1), исследователи неоднократно высказывали мысль о том, что одним из факторов в комплексе причин, приведших к нему, была угроза со стороны варварского окружения. При этом предполагалось, что такая угроза существовала постоянно, периодически усиливаясь³.

По-другому этот вопрос был поставлен и рассмотрен в работе Ю. Г. Виноградова⁴, наметившей новые пути решения ряда важнейших проблем ранней истории Боспора и Ольвии. Позволю себе кратко остановиться на основных содержащихся в ней выводах, поскольку они имеют принципиальное значение и для темы предлагаемого исследования.

¹ Vinogradov Yu. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. J. v. Chr. — Chiron, 10, 1980, S. 69 f. Сокращенный вариант изложения темы см. Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. — В кн.: Автичная Греция. Т. I. М., 1983, с. 394—420; *он же*. Синопа и Ольвия в V в. до н. э., I. — ВДИ, 1981, № 2, с. 65—90; II — ВДИ, 1981, № 3, с. 49—75; Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1, с. 131—143; Шелов-Коведяев Ф. В. Образование Боспорского государства. Автореф. дисс. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. М., 1983.

² Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1977. Тбилиси, 1979; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1979. Тбилиси, 1981.

³ Ср., например, Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 71; Шкорпил В. В. Археанактиды. — ИТУАК, 54, 1918, с. 56; Гайдужевич В. Ф. Боспорское царство. М. — Л., 1949, с. 42, 44—45; Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, с. 109 сл.; Блаватский В. Д. Архаический Боспор. — МИА, 33, 1954, с. 39.

⁴ Vinogradov. Op. cit., S. 63—100.

Прежде всего следует отметить правомерность и новизну подхода автора к решению проблемы, поставившего вопрос о том, почему государственно-политическое развитие Ольвийского полиса и боспорских центров пошли различными путями, несмотря на то, что все эти центры были основаны общей метрополией, в один и тот же период и развивались в сходных географических и природных условиях⁵. Период конца VI — начала V в. до н. э. рассматривается Ю. Г. Виноградовым как исторический момент, в который в обширном северопонтийском регионе взаимодействовали уже не просто два недифференцированных мира — эллины и варвары, а ряд крупных политических образований: эллинские полисы — Ольвия, Тира, Никоний и боспорские центры, с одной стороны, Скифское царство, обладавшее мощным военным и экономическим потенциалом, — с другой, а также третья сила — ряд варварских племен (тавры, синды, меоты и др.), находившиеся в различных, порой весьма сложных политических отношениях как с могущественными царскими скифами, так и с эллинскими полисами⁶. Коренные изменения, происходившие в скифском обществе в конце VI — начале V в. до н. э., обусловили в значительной мере те перемены, которые стали определяющими для исторических судеб всего Северного Причерноморья. Катализатором, ускорившим эти процессы, стал поход Дария I и разгром его объединенными усилиями скифских племен в 519 г. до н. э. Это важнейшее военно-политическое событие стало рубежом, на котором произошло резкое изменение внешнеполитического курса Скифского царства, вставшего на путь экспансии в сопредельные страны. Сначала, вероятно, их агрессия была направлена против племени Лесостепи, затем против эллинских полисов Побужья — Ольвии, Нико-ния, а также Истрии, затем против Одрисского царства, а после этого — против греческих полисов Боспора и синдов.

Анализируя ситуацию, сложившуюся на Боспоре в начале V в., исследователь приходит к выводу о том, что именно угроза потери независимости в результате скифской агрессии заставила боспорских эллинов поступиться своей автономией и сплотиться в оборонительный союз — симмахию под главенством наиболее мощного центра — Пантикапея, отмечая при этом, что это объединение имело в своей основе и глубокие экономические предпосылки⁷. В качестве основного свидетельства о том, что в 80-х гг. V в. скифские отряды совершали грабительские походы в земли боспорских полисов и против земледельческих племен Таманского полуострова, Ю. Г. Виноградов приводит известное сообщение Геродота (IV, 28), подчеркивая, что текстологический анализ этого отрывка не оставляет сомнений в том, что в нем, как это признано большинством исследователей, речь идет именно о регулярных зимних походах скифов через Боспор с целью внеэкономической эксплуатации синдов, а также для устройства удобных зимников в кубанских плавнях⁸. Археологическим подтверждением факта дестабилизации военно-политической обстановки на Боспоре автор считает возведение ранней оборонительной стены Тиритаки, датируемой 80—70 гг. V в. до н. э.⁹

Вопрос о правомерности и принятии гипотезы о скифской военной экспансии против полисов Боспора и синдов имеет принципиальное значение для изучения раннего периода истории Боспорского государства,

⁵ Ibid., S. 64 f.

⁶ Ibid., S. 70 ff.

⁷ Ibid., S. 80, 95; Виноградов. Полисы..., с. 405 сл. Эту точку зрения разделяет также Ф. В. Шелов-Коведяев (ук. соч., с. 6—8).

⁸ Vinogradov. Op. cit., S. 74 f. Нельзя признать удачной попытку некоторых исследователей интерпретировать этот пассаж Геродота лишь как свидетельство мирных сезонных перекочевок скифов в земли синдов на зимники, отказываясь от военного аспекта этих перемещений (см. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Розов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов. — ВДИ, 1980, № 4, с. 157).

⁹ Vinogradov. Op. cit., S. 75 f.

для воссоздания той конкретной военно-политической ситуации, в которой происходило его формирование. Не меньшее значение имеет он также и для истории Синдики. Между тем следует отметить, что среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, когда, в какой период совершали скифы те походы, о которых сообщает Геродот. Так, например, В. Ф. Гайдукевич полагает, что они совершались еще до появления на берегах Боспора Киммерийского греческих апойкий¹⁰. По мнению В. Д. Блаватского, а вслед за ним Н. И. Сокольского, походы современны Геродоту¹¹. Таким образом, отсутствие четких хронологических рамок для этого чрезвычайно важного сообщения нашего основного письменного источника не позволяет однозначно отнести содержащуюся в нем информацию о скифских походах именно к первой четверти V в., т. е. к тому периоду, когда предполагается резкое ухудшение военно-политической обстановки на Боспоре в результате скифской агрессии.

В таком случае правомерен вопрос: есть ли основания считать, что реконструируемая картина положения дел на Боспоре в первые десятилетия V в. адекватна реальной исторической обстановке? Существуют ли еще какие-либо свидетельства резкого ухудшения военно-политической обстановки и в этом районе, как, например, в ольвийском и истрийском регионах? Фиксируются ли следы последствий скифской экспансии и контрмер, принятых боспорскими эллинами для ее отражения? Рассмотрению этих и связанных с ними вопросов посвящена предлагаемая работа, основной задачей которой послужит создание варианта реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. — в один из ключевых моментов его истории.

В настоящее время на Боспоре культурные напластования и строительные остатки конца VI — первой половины V в., т. е. интересующего нас периода, зафиксированы и исследованы в следующих пунктах: на поселениях Киммерик (холм А)¹² и у поселка Героевское¹³, на городище Нимфей¹⁴, на поселениях Андреевка Южная и Южно-Чурубашское¹⁵, на городищах Тиритака¹⁶, Пантикапей¹⁷, Мирмекий¹⁸ и Порфмий¹⁹, в по-

¹⁰ Гайдукевич. Ук. соч., с. 188.

¹¹ Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей. — Вестник МГУ, № 8, 1948, с. 5; Сокольский Н. И. Валы в системе обороны Европейского Боспора. — СА, XXVII, 1957, с. 94 сл. Подробную сводку всех точек зрения, высказывавшихся в литературе по данному вопросу, и комментарий к переводу см. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 260.

¹² Кругликова И. Т. Раскопки древнего Киммерика. — В кн.: Археология и история Боспора. Т. I. Симферополь, 1952, с. 61—67; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. — МИА, 85, 1958, с. 234 сл.; она же. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 31—39.

¹³ Кругликова. Сельское хозяйство Боспора, с. 39—45.

¹⁴ Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 17 сл.; Грач Н. Л. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI—V вв. до н. э. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье..., с. 260—267.

¹⁵ Кругликова. Сельское хозяйство Боспора, с. 46—52.

¹⁶ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 25, 1952, с. 72—89.

¹⁷ Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. — МИА, 103, 1962, с. 6—15, 51; он же. Пантикапей, М., 1964, с. 24—54; Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. — МИА, 56, 1957, с. 160—173; она же. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 годах. — Сообщения ГМИИ, IV, 1968, с. 27—53; она же. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее. — СА, 1971, № 2, с. 148—156; она же. О планировке северного района Пантикапея. — СА, 1979, № 2, с. 164—178; Коровина А. К., Толстиков В. П. Отчет о раскопках Пантикапея в 1979 г. — Архив Отдела античного мира ГМИИ.

¹⁸ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА, 25, 1952, с. 135—219; он же. Работы на Боспоре. — АО 1965 г. М., 1966, с. 100 сл.; Пругло В. И. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. — ЗОАО, I(34), 1960, с. 266 сл.; Гайдукевич В. Ф. Отчет о раскопках Боспорской экспедиции 1958 г. — Архив ИА АН СССР, Р — I, д. № 1852, л. 35 сл.

¹⁹ Кастанади Е. Г. Раскопки Порфмия в 1953 г. — СА, 1958, № 3, с. 203—207; она же. Раскопки Парфмия в 1968 г. — КСИА, 103, 1972, с. 77—81.

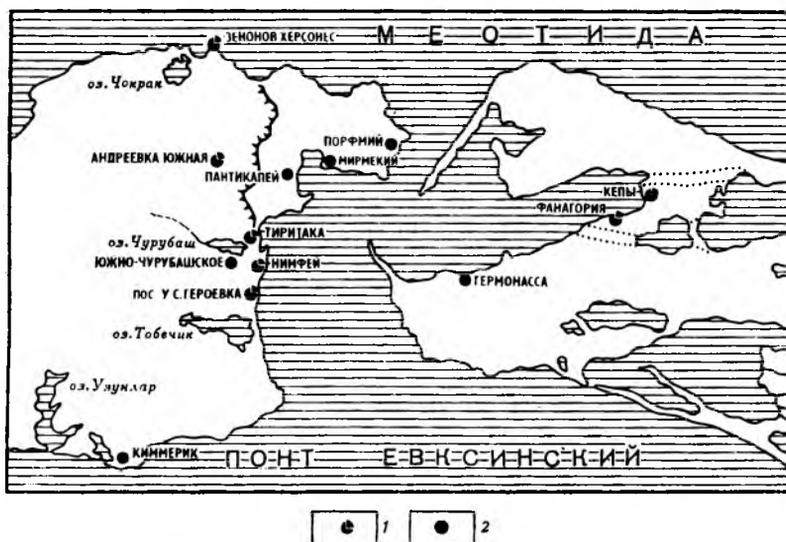

Рис. 1. Боспор Киммерийский в конце VI — первой половине V в. до н. э.: 1 — пункты, в которых выявлены следы пожаров и разрушений; 2 — пункты, в которых зафиксированы слои и строительные остатки конца VI — первой половины V в. до н. э.

селении на мысе Зюк²⁰, на городищах Гермонасса²¹, Фанагория²² и Келы²³ (рис. 1). Археологические материалы и наблюдения, сделанные в процессе многолетних раскопок, позволяют заключить, что все перечисленные боспорские центры, возникшие в первой четверти — середине VI в. до н. э., развивались в течение этого столетия в мирной обстановке. На это указывают прежде всего два факта: отсутствие в слоях VI в. признаков крупных пожаров и разрушений, которые можно было бы связывать с военными действиями, и, главное, отсутствие в каждом из перечисленных пунктов, даже в наиболее крупных городах, остатков фортификационных сооружений, датируемых VI в. до н. э.²⁴

Конечно, последнее обстоятельство может быть объяснено недостаточной исследованностью или плохой сохранностью культурных напластований и строительных остатков архаического периода. Однако следует подчеркнуть, что и в тех пунктах, где слои рассматриваемого периода изучены достаточно хорошо и на значительных участках, в том числе и на границах поселений (например, в Нимфее, Тиритаке, Мирмекии, Фанагории, Келых), никаких следов архаических укреплений до сих пор не обнаруже-

²⁰ Масленников А. А., Федосеев О. Д. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова. — КСИА, 168, 1981, с. 80.

²¹ Зеест И. Б. Архаические слои Гермонассы. — КСИА, 83, 1961, с. 53—58; она же. Об одной особенности экономического развития Гермонассы. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968, с. 145 сл.

²² Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 57, 1956, с. 13—23; она же. Открытия в Фанагории. — АО 1965 г. М., 1966, с. 103—106; она же. Культура Фанагории досарматского периода. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 84—96; она же. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории. — КСИА, 116, 1969, с. 98—104; она же. Страницы ранней истории Фанагории. — СА, 1983, № 2, с. 51—61.

²³ Сокольский Н. И. Келы. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 97—114; Дозорукоев В. С., Сокольский Н. И. Работы Таманской экспедиции. — АО 1971 г. М., 1972, с. 120; Николаева Э. Я. О времени основания Кел. — В кн.: Проблемы греческой колонизации..., с. 142—145.

²⁴ Вопрос об оборонительном назначении кладки № 115, открытой в виде развала крупных глыб на Эспланданном раскопе в 1949 г. и осторожно определенной В. Д. Блаватским как забутка ранней оборонительной стены Пантикапея, остается открытым (Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея. — КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 215 сл.). Ср. Виноградов. Полис..., с. 372.

но. В то же время остатки городских оборонительных стен, сооруженных в первой половине V в., были выявлены и исследованы даже в тех случаях, когда от них дошли лишь самые незначительные фрагменты фундаментов и субструкций. Этот факт не может объясняться простой случайностью. На мой взгляд, есть все основания искать причину отсутствия укрепленных боспорских центров VI в. не столько в слабой изученности слоев и строительных остатков, сколько в специфике политической ситуации в которой происходил процесс основания и последующего развития ионийских апоекий в Боспорском регионе вплоть до рубежа VI—V вв. до н. э.²⁵

Оборонительные сооружения, представлявшие один из важнейших элементов в структуре древнегреческого города и государства, служившие, наряду с вооруженными силами, гарантией его независимости и самого существования (Arist., Pol. 1330b—1331a), были весьма важным показателем не только экономического потенциала полиса, но также и военно-политической ситуации в тот или иной период его истории²⁶. Сам факт возведения укреплений, требовавших весьма значительных затрат сил и средств, вокруг городов Боспора именно в первой половине V в. (так же как сооружение крепостных стен Ольвии и Николия в этот период), настоятельно требует специального изучения и интерпретации.

Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении материалы по фортификации Боспора первой половины V в. до н. э. Остатки ранней оборонительной стены были открыты и исследованы в Тиритаке на участках I, II (южный фронт обороны города), а также на участке XIV (западный фронт)²⁷. На участках I и II эта стена, выявленная на протяжении 39 м, шла в направлении юго-восток — северо-запад, выходя из-под перекрывавшей ее башни эллинистического периода. На расстоянии 26,5 м от этой башни стена делала поворот под углом 92° к северо-востоку. От пункта поворота она была прослежена еще на протяжении 12 м. Толщина ранней стены на данном участке составляла 1,7—1,8 м, в высоту она сохранилась лишь на один-два ряда кладки. Наружные панцири стены сложены из довольно крупных плит известняка неправильной формы, аккуратно подтесанных с лицевой стороны. Внутренний массив заполнения стены образовывал мелкий бут на глинистом растворе. Подошва оборонительной стены покоилась на материке, которым служил плотный слежавшийся песок.

Наибольший интерес представляют остатки ранней стены Тиритаки (куртины 2 и 2а), открытые на участке XIV (рис. 2). Они были прослежены на протяжении 37 м, причем местами сохранившаяся их высота достигала 1,23 м. Конструкция стены и здесь также была двухпанцирной, с забутовкой на глинистом растворе, а толщина составляла 1,7—1,95 м. Обнаруженные остатки служили каменным поколем, на котором покоилась сырцово-кирпичная кладка.

Раскопки показали, что стена западного фронта обороны города частью включала в себя, частью перекрывала более ранние здания архаического периода. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку с ним связано укоренившееся в науке и периодически повторяющееся в литературе мнение о том, что в линию ранней оборонительной стены Тиритаки были включены функционировавшие к моменту ее возведения дома²⁸. Между тем археологический контекст не позволяет сделать подобный вывод.

²⁵ Ср., например, Яковенко Э. В. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Европейского.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье..., с. 257.

²⁶ Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften. Tl. II. Heidelberg, 1961, S. 40 f.
²⁷ Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбовасолочных ванн.— МИА, 4, 1941, с. 11 сл.; Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 15 сл.

²⁸ См. Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии.— КСИИМК, XXII, 1948, с. 28; Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье.— Ученые записки МГУ, 143, 1950, с. 131; он же. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, с. 91.

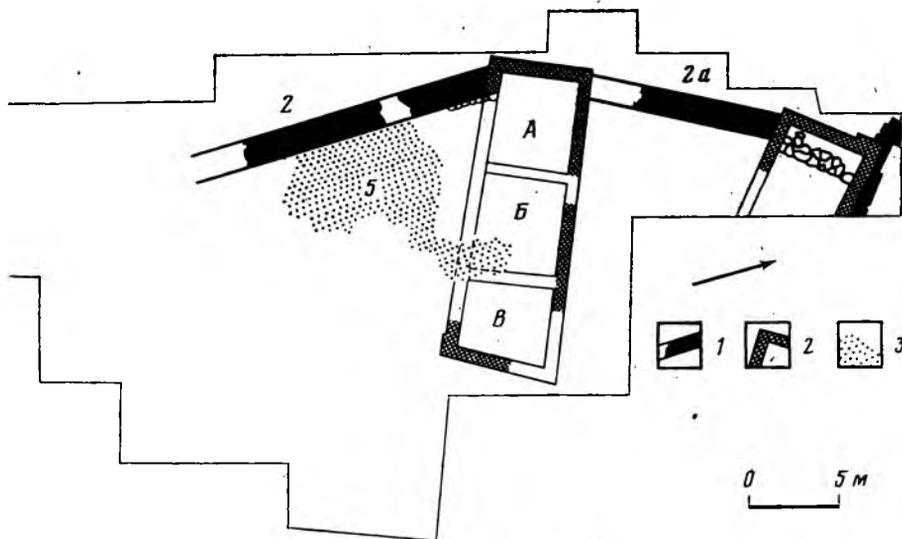

Рис. 2. Тиритака. Участок XIV. Ранняя оборонительная стена, сооруженная на остатках построек конца VI в. до н. э., сгоревших в пожаре около 480 г. до н. э.: 1 — куртины № 2, 2а; 2 — остатки стен домов конца VI в. до н. э.; 3 — участок вымостки № 5, синхронный ранней оборонительной стене

Анализ особенностей стратиграфии и последовательности залегания строительных остатков дает основание заключить, что к моменту возведения ранней оборонительной стены зданий предшествующего периода, расположенных на границе города, уже не было. На это обстоятельство, кстати, обратил внимание еще В. Ф. Гайдукевич, отметивший, что при возведении оборонительной стены она местами перекрыла остатки разрушенных зданий, местами включила их в свою трассу²⁹.

Из двух открытых в 1938 и 1940 гг. на участке XIV архаических зданий первое оказалось включенным в трассу стены, а второе — полностью перекрытым основанием оборонительной стены 2а. Этот дом состоял из трех помещений — А, Б, В, причем два из них (Б и В) оказались перекрыты вымосткой № 5 с водостоком № 5а, которые синхронны с оборонительной стеной. Следовательно, к моменту сооружения оборонительной стены два помещения дома из трех были разрушены почти до основания и лишь одно — помещение А — было включено в линию укреплений. Более того, мощный слой пожарища, перекрывший полы помещений описываемых зданий, свидетельствует о том, что они погибли в огне пожара, причем комплекс находок из слоя пожарища указывает на то, что разрушение произошло около 480 г. до н. э.³⁰ Материалы раскопок на участке XIV позволяют не только надежно датировать пожар и разрушение жилой застройки города, но и сделать важные выводы о причинах этой катастрофы. Значительное количество бронзовых наконечников стрел ранней формы скифского типа, найденных близ внешних стен сгоревших домов³¹, указывают на то, что пожар и разрушение произошли в результате военных действий. Кроме того, можно заключить, что вскоре после этих событий были предприняты экстренные оборонительные меры — город был окружен крепостной стеной, в трассу которой для экономии времени и строительных материалов включались внешние стены некоторых разрушенных домов.

²⁹ Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 88.

³⁰ Там же, с. 85.

³¹ Там же, с. 85, 88.

Но, может быть, разрушение Тиритаки следует считать событием эпизодическим, локальным, носившим случайный характер? Представляется, что в настоящее время мы располагаем фактами, позволяющими иначе ответить на этот вопрос. Как было сказано выше, культурные напластования и строительные остатки конца VI — первой половины V в. исследованы на Боспоре в 13 пунктах, причем, что особенно важно для контекста нашего исследования, в 7 из этих пунктов археологически выявлены слои пожара и следы разрушений жилых, хозяйственных и культовых построек (рис. 1). Так, раскопки поселения у поселка Героевское, которое находилось, как предполагает И. Т. Кругликова, в пределах хоры Нимфея³², показали, что, возникнув одновременно с Нимфеем или вскоре после его основания, это поселение в первой половине V в. было сожжено и разрушено и, вероятно, до конца столетия находилось в запустении³³. Весьма интересные факты получены и при раскопках самого Нимфея: в стене позднеархаического дома здесь был обнаружен клад из 17 серебряных пантикапейских монет. Время сокрытия клада — рубеж VI—V вв. или начало V в.³⁴ Показательно в этой связи, что этим же временем датируется пожар и разрушение архаического святилища Деметры, находившегося неподалеку от здания, в стене которого был сокрыт клад³⁵. О пожаре и разрушениях позднеархаических зданий в Тиритаке речь уже шла выше.

Следы пожара выявлены также в слое начала V в. до н. э. на поселении на мысе Зюк³⁶. Первой половиной V в. датируется слой пожара и прокалившиеся в огне завалы сырцово-кирпичных стен помещений, открытые раскопками на поселении Андреевка Южная, расположенном в 11 км к западу от Пантикапея³⁷. На азиатской стороне Боспора довольно мощный слой пожара, датируемый первой четвертью V в., был зафиксирован в Фанагории, причем следует особо отметить, что в этом слое найдены обломки железных мечей³⁸. М. М. Кобылина справедливо подчеркивает, что наличие обломков оружия, в том числе и местного происхождения, позволяет думать, что пожар возник во время каких-то военных действий в древнейшей части города³⁹. Можно предположить, что и здесь, в Фанагории, так же как в Тиритаке, с этим археологически зафиксированным пожаром, сопровождавшим военные действия, связано последующее возведение городской оборонительной стены. Остатки этой ранней стены были открыты в процессе раскопок на протяжении около 45 м на раскопах «Керамик» и Второй железнодорожной⁴⁰. Судя по сохранившимся остаткам субструкции из плотно уложенных осколков камня, толщина стены составляла около 3,5 м. Можно предположить, что на этой субструкции покоилось основание и цокольная часть стены, сооруженные из крупных плит камня, а над цоколем возвышалась сама стена из сырцово-кирпичной кладки. Еще один пункт на азиатской стороне Боспора, в которой надежно засвидетельствованы следы пожара и разрушений, — Кефы. Здесь в процессе раскопок было открыто сгоревшее в пожаре позднеархаическое здание с подвалом. Подвал оказался заполнен прото-

³² Кругликова. Сельское хозяйство Боспора, с. 27, 31.

³³ Там же, с. 31.

³⁴ Скудникова В. М. Два клада монет из Нимфея. — ВДИ, 1950, № 4, с. 78 сл.; Худяк. Ук. соч., с. 18.

³⁵ Худяк. Ук. соч., с. 43, 47.

³⁶ Об этих наблюдениях автору любезно сообщил А. А. Масленников, руководящий раскопками поселения.

³⁷ Кругликова. Сельское хозяйство Боспора, с. 49, 52.

³⁸ Кобылина. Страницы ранней истории Фанагории, с. 51—61.

³⁹ Там же, с. 53.

⁴⁰ Кобылина. Сооружения V в. до н. э., с. 98—104; она же. Отчеты о раскопках Фанагории в 1960, 1964, 1965 гг. — Архив ИА АН СССР, Р — I, № 2333, 2897, 3229.

фасосскими и хиосскими амфорами, которые позволяют датировать комплекс началом V в. ⁴¹

Завершая перечень пунктов, в которых в настоящее время выявлены слои пожарищ и разрушений, датируемые началом — первой половиной V в., а также открыты остатки укреплений этого периода, следует остановиться на еще одном археологическом открытии, сделанном в 1983 г. Речь идет о раскопках ранней оборонительной стены Мирмекия, участок которой был исследован в западной части городища на раскопке Р. Толщина стены на данном участке превышает 3 м, кладка имеет двухпанцирную конструкцию с забутовкой из рваного камня на глинистом растворе. Панцири сложены из крупных, слегка подтесанных глыб известняка. По предварительным данным ранняя стена Мирмекия была сооружена примерно в первой четверти V в., а к концу этого столетия уже не выполняла своих оборонительных функций и была частично разобрана ⁴². Следует подчеркнуть, что на этом городище в слоях первой половины V в. признаков пожара и разрушений обнаружено не было ни прежде, ни в ходе раскопок последних лет.

Итак, из 13 боспорских населенных пунктов, функционировавших в начале — первой половине V в., в 7 центрах зафиксированы слои пожарищ и следы разрушений. В трех из них — в Тиритаке, Мирмекии и Фанагории — открыты остатки оборонительных стен, сооруженных впервые в рассматриваемый период. Кроме того, что особенно показательно, в трех из перечисленных семи пунктов, где выявлены слои пожарищ, а именно, в Фанагории, Тиритаке и на поселении у поселка Героевское, были найдены предметы вооружения. В Фанагории — обломки мечей, в Тиритаке — наконечники стрел близ сгоревших в пожаре зданий, на поселении у поселка Героевское в заполнении хозяйственной ямы с керамикой первой половины V в. до н. э. были обнаружены целый железный меч-акинак с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием, а также два железных ножа ⁴³.

Все приведенные выше факты заставляют по-новому, в ином контексте рассматривать и известный комплекс находок из Пантикапея, свидетельствующий об интенсивной деятельности здесь металлургов и оружейников в первой половине V в. ⁴⁴ На северном склоне горы Митридат (раскоп Новый Эспланадный) среди построек начала — первой половины V в. (дома № 8, 10, 14, 16) были открыты остатки производственной деятельности, связанные с сыродутной выплавкой железной руды: комки руды, орудия, бракованные или незаконченные изделия ⁴⁵. Особый интерес представляют находки предметов вооружения, изготовлявшихся и ремонтировавшихся в пантикапейских мастерских: это железные наконечники копий и вток от копья, бронзовые наконечники стрел, около 250 экземпляров панцирных чешуек из бронзы и железа, а также свинцовая подкладка-подушка, на которой пробивали отверстия в панцирных чешуйках, костяная бутераль от ножен кинжала ⁴⁶, заготовки для рукоятей мечей и кинжалов из рога. Эти находки говорят о том, что в первой четверти V в. в Пантикапее изготовлялась почти полная паноплия, включая и ста-

⁴¹ Сокольский Н. И. Новые раскопки в Кепах. — Actes de la XIIe conférence internationale des études classiques à «Eirene» Cluj — Napoca, 2—7 octobre, 1972, p. 615—619.

⁴² Остатки стены, сильно поврежденной выборкой, оказались частично перекрыты слоем, хорошо датируемым обильным амфорным материалом, фрагментами чернолаковой керамики, а также редкой находкой — серебряной монетой Феодосии последней четверти V в. до н. э. Принюшу благодарность начальнику экспедиции Ю. А. Виноградову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

⁴³ Кругликова. Седьмое хозяйство Боспора, с. 40, 42, рис. 11.

⁴⁴ Марченко. Позднеархаическая мастерская..., с. 148—156.

⁴⁵ Там же, с. 149; она же. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 годах, с. 32—33.

⁴⁶ Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 121 сл., рис. 1, 3.

кие сложные и трудоемкие доспехи, как наборные чешуйчатые панцири. И. Д. Марченко, исследовавшая и опубликовавшая этот комплекс находок, справедливо отметила высокий уровень развития металлургии в Пантикапее в позднеархаический период и связала этот факт с возросшей потребностью в производстве оружия⁴⁷. Но правомерно, на мой взгляд, поставить вопрос: какими причинами было обусловлено резкое возрастание потребности в производстве и ремонте предметов вооружения в начале V в. в Пантикапее?

Принимая во внимание приведенную выше сводку пунктов на территории Боспора, в которых выявлены следы пожаров и разрушений, датированных началом — первой половиной V в., мы получаем серьезные основания связывать возрастание потребности в производстве и ремонте оружия в Пантикапее прежде всего с общим ухудшением и дестабилизацией военно-политической обстановки на Боспоре в рассматриваемый период⁴⁸.

Весьма интересную закономерность позволяет выявить анализ топографии приведенных выше боспорских населенных пунктов, в которых зафиксированы слои пожаров и разрушений: все они расположены вне пределов территории, защищенной оборонительным рубежом, известным в литературе под названием «Тиритакский вал» (рис. 1). В то же время ни в Пантикапее, ни в Мирмекии, ни в Порфии признаков разрушений и пожаров в слоях первой половины V в. не обнаружено. Следует думать, что этот факт не может быть объяснен случайностью. Обратимся в этой связи вновь к этому интереснейшему оборонительному сооружению Европейского Боспора.

Проблема сооружения Тиритакского вала неоднократно рассматривалась в литературе⁴⁹. Большинство исследователей относит его ко времени Археанактидов, отмечая при этом, что вал может иметь и догреческое происхождение, а в первой половине V в. до н. э. он мог быть лишь восстановлен и укреплен боспорскими эллинами⁵⁰. На догреческое происхождение этого оборонительного рубежа могут указывать сведения Геродота (IV, 12) о наличии в восточной части Трахейского (Керченского) полуострова «киммерийских укреплений» (*Κιμμερία τείχεα*), а также о «рве, вырытом потомками слепых» (IV, 3) и о скифах, «живущих по ту сторону рва» (IV, 28). Тем не менее приходится учитывать, что все суждения относительно времени возведения Тиритакского вала базируются на аргументах косвенного порядка и умозрительных построениях, поэтому, пока не будут проведены археологические исследования вала⁵¹, привлечение новых косвенных данных по проблеме его датировки следует считать правомерным.

Рассмотрим эту линию обороны с военно-инженерной точки зрения. Как и всякое укрепление такого типа, тиритакский рубеж мог успешно

⁴⁷ Марченко. Позднеархаическая мастерская..., с. 151.

⁴⁸ Следует в этой связи отметить весьма интересный факт: в остатках металлургической мастерской, функционировавшей несколько позднее, во второй половине V в. до н. э., открытой на Центральном раскопе, предметов вооружения (за исключением нескольких наконечников стрел) обнаружено не было.

⁴⁹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase. T. V. P., 1843, p. 240; Ашик А. Боспорское царство. Т. I. СПб., 1848, с. 24; Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Bd. I. В., 1855, S. 499; Гриневич К. Э. Новейшие раскопки в Крыму (лето 1924 года). — Красный журнал для всех, 1924, № 11, с. 847—854; он же — Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, 1926, № 4; он же. Оборона Боспора Киммерийского. — ВДИ, 1946, № 2, с. 160; Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов. — СА, VII, 1941, с. 274 сл.; Гайдукевич. Боспорское царство, с. 189; Блаватский. Архаический Боспор, с. 39; Сокольский. Валы в системе оборонных..., с. 91—106; Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч., с. 204—205, прим. 131; Толстиков В. П. Фортификация античного Боспора. Автореф. дисс. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. М., 1981, с. 15 сл.

⁵⁰ Сокольский. Валы в системе обороны..., с. 92.

⁵¹ Раскопки Тиритакского вала начаты в 1983 г. Боспорской экспедицией ГМИИ под руководством автора. Исследования производятся примерно в 150 м к северу от Золотого кургана по трассе вала.

функционировать лишь при наличии регулярно размещенных на всем его протяжении узлов обороны, находившихся в тактическом взаимодействии между собой. Действительно, такие опорные пункты зафиксированы разведками и топографическими исследованиями⁵², а также вновь обнаруженным планом 1779 г.⁵³ Одним из важнейших, ключевых пунктов в системе обороны рубежа был город Тиритака, замыкавший линию вала с юга, на побережье пролива (рис. 3). Этот факт неоднократно отмечался исследователями. Тем не менее до сих пор не было сделано попытки рассмотреть археологически исследованные трассы ранних укреплений города в комплексе с подходившим к Тиритаке с севера отрезком вала⁵⁴.

Рассмотрение ранних стен Тиритаки как составной части оборонительной системы тиритакского стратегического рубежа позволяет выявить важную закономерность: юго-западная оборонительная стена города представляет собой как бы продолжение трассы Тиритакского вала, подходящего к Тиритаке с северо-запада⁵⁵. Более того, создается впечатление, что вся конфигурация укреплений города в плане обусловлена направлением южного отрезка вала и согласуется с ним. Это наблюдение подтверждается еще одним, весьма интересным фактом. Раскопками установлено, что и позднее, в эллинистический период, когда городские укрепления были полностью перестроены и значительно усилены, направление и конфигурация юго-западного и западного участков стен остались неизменными, т. е. укрепления эллинистического периода полностью повторяли конфигурацию трассы стен, сооруженных в первой четверти V в.

Сверх того, более поздние городские стены Тиритаки, открытые на участках I и II, были сооружены не непосредственно на месте ранней стены, а несколько отступая внутрь городской территории. Этот факт, как справедливо отметил В. Ф. Гайдукевич⁵⁶, свидетельствует о том, что строительство новой стены велось тогда, когда более древняя стена еще существовала, будучи, однако, уже предназначенной к сносу. Старая стена разбиралась только по мере возведения новых укреплений. Кроме того, это может служить свидетельством того, что фортификационным сооружениям

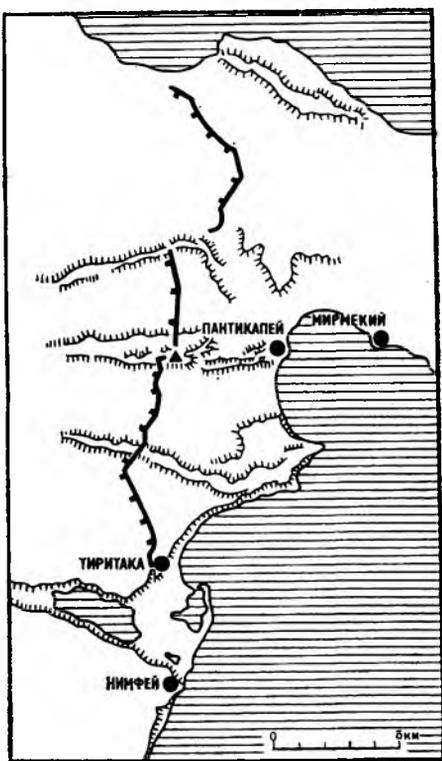

Рис. 3. Схема трассы Тиритакского оборонительного рубежа (по плану 1779 г. и плану К. Э. Гриневича 1924 г.)

⁵² Гриневич. Новейшие раскопки в Крыму, с. 849—852.

⁵³ Карта Керченского пролива с промером и с показанием отведенных от татар г.г. Еникаля и Керчи. М.: 1 верста. 1799 год. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 53542.

⁵⁴ Дело, вероятно, в том, что единственный подробный план всей трассы вала, снятый в 1924 г. К. Э. Гриневичем, так и не был опубликован и остался недоступен для исследователей. Копия этого плана хранится в Керченском Историко-археологическом музее. Приняв свою благодарность зав. отделом фондов В. И. Боровковой и научному сотруднику В. Н. Холодкову за предоставленную возможность использовать этот документ.

⁵⁵ К сожалению, в настоящее время на отрезке вала, подходившего к Тиритаке с севера, расположены предприятия Керчи. О специфике трассы вала на данном участке мы можем судить теперь лишь по плану К. Э. Гриневича 1924 г.

⁵⁶ Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 21.

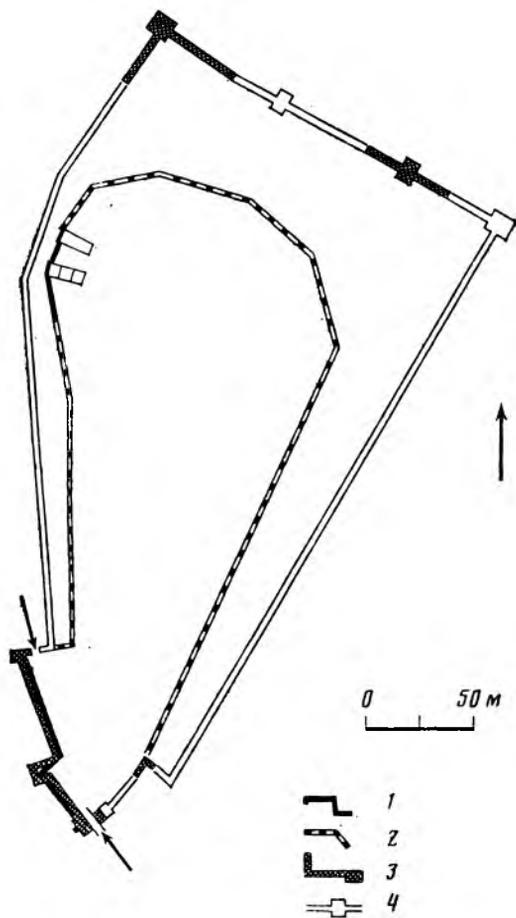

Рис. 4. Схема развития планировки оборонительных сооружений Тиритаки: 1 — ранняя оборонительная стена, сооруженная около 480 г. до н. э.; 2 — предполагаемая трасса ранней стены; 3 — укрепления эллинистического периода; 4 — предполагаемая трасса укреплений эллинистического периода

и косвенный, вывод о том, что в первой четверти V в., в момент сооружения ранней стены Тиритаки, ее строители согласовывали конфигурацию и направление трассы юго-западного фронта стены города, а может быть, и всю его планировку, с особенностями направления тиритакской оборонительной линии. Этот вывод в свою очередь дает основания предполагать, что в первой четверти V в. Тиритакский вал либо восстанавливался, либо возводился заново.

Эти соображения, а также тот факт, что все населенные пункты, в которых зафиксированы слои пожаров, датируемые началом — первой половиной V в., расположены вне территории, защищенной тиритакским оборонительным рубежом, позволяют предположить, что этот рубеж начал функционировать именно в рассматриваемый период, а возведение ранней стены вокруг Тиритаки, осуществленное около 480 г. до н. э., следует рассматривать как одно из составных звеньев в комплексе мероприятий Боспорской симмахии по приведению тиритакской линии стратегической обороны к боевой готовности перед лицом скифской агрессии.

Топографические исследования К. Э. Гриневича и Н. И. Сокольского показали, что общая протяженность тиритакской оборонительной линии

юго-западного фронта обороны Тиритаки и поддержанию их в постоянной боевой готовности придавалось повышенное значение.

Итак, и в первой половине V в. и в последующие периоды истории города его территория ни на метр не расширилась в юго-западном и западном направлениях, будучи жестко ограничена юго-западным фронтом укреплений. Можно предположить, что указанная особенность формирования и развития планировки Тиритаки — города, расположенного на равнине и, казалось бы, не имевшего ландшафтных ограничений для расширения в юго-западном направлении, есть свидетельство того, что начиная с первой четверти V в., когда после пожара были возведены первые оборонительные стены города, конфигурация их юго-западного фронта, а также очертания всего города в плане были тесно связаны с трассой примыкавшего к Тиритакке южного отрезка тиритакского рубежа, ключевым узлом обороны которого этот боспорский город продолжал оставаться и в последующие периоды (рис. 4).

Приведенные факты и наблюдения позволяют сделать чрезвычайно важный, хотя

Рис. 5. Участок Тиритакского вала к северу от Золотого кургана. Вид с юго-запада

составляет не менее 25 км. Вал имеет ширину в основании более 15 м при сохранившейся высоте до 3,5 м. С западной стороны, с фронта, вал усилен рвом шириной в верхней части 15—18 м при сохранившейся глубине около 3,5 м⁵⁷ (рис. 5). Местами вал проходит по гребням скалистых холмов и в этих пунктах ров перед ним отсутствует. В основании вала фиксируется каменная кладка-крепида. В трассу тиритакской оборонительной линии включен в качестве опорного пункта знаменитый Золотой курган, окруженный в древности крепидой из циклопической кладки, остатки которой местами сохранились до настоящего времени. Приведенные параметры укреплений тиритакского стратегического рубежа и его протяженность свидетельствуют о том, что это было чрезвычайно трудоемкое и сложное фортификационное сооружение. Следует особо подчеркнуть, что не только его постройка или восстановление, но и организация его обороны, несомненно, требовали коллективных усилий и эффективного централизованного руководства. Все эти необходимые условия были созданы на Боспоре лишь после объединения эллинских полисов под главенством Археанактидов со столицей в Пантикапее.

Приняв гипотезу о том, что создание (или восстановление) тиритакского рубежа явилось первой и, вероятно, главной стратегической оборонительной мерой объединившихся боспорских полисов перед лицом скифской угрозы, следует поставить вопрос: какими силами и за какой срок Боспорское государство в первой четверти V в. могло осуществить столь обширную и сложную фортификационную программу? Для решения этого вопроса я предлагаю принять за основу предположение о том, что в основе тиритакского рубежа может лежать укрепление догреческой «киммерийской» эпохи, о котором сообщает Геродот (IV, 3, 28). Это допущение заставляет оперировать и минимальными цифрами при расчетах. Если принять это предположение, то придется констатировать, что к пер-

⁵⁷ Летом 1983 г. архитекторами Боспорской экспедиции ГМИИ Г. Макаровой, Е. Волковидкой и Е. Рыльняковой была произведена инструментальная съемка профиля рва и вала к северу от Золотого кургана.

вой четверти V в. древний рубеж обороны, сооруженный задолго до рассматриваемого периода, а также длительное время не использовавшийся, должен был находиться в разрушенном состоянии. Кроме того, что не менее важно, основные его элементы должны были морально устареть и не могли отвечать требованиям эллинской фортификации, требованиям новой эпохи. Следовательно, тиритакский оборонительный рубеж должен был потребовать восстановления и капитальной перестройки.

Исходя из приведенных выше параметров сохранившихся остатков вала и рва, можно заключить, что ров при ширине в верхней части более 15 м мог иметь глубину до 6—7 м и такую же ширину на уровне дна, а насыпь вала при ширине в основании более 15 м могла достигать высоты 7—8 м. Но принимая во внимание, что тиритакский рубеж функционировал и в последующие периоды, неоднократно укреплялся и перестраивался, для наших расчетов следует взять за основу минимальные первоначальные размеры рва и вала. Ширину рва по верху примем равной 10 м, глубину — 5 м при ширине по дну 5 м. Соответственно уменьшим и габариты вала: ширину в основании примем равной 10 м, ширину по гребню — 3 м, высоту — 6 м. Общая протяженность трассы укреплений останется равной 25 км. При указанных минимальных параметрах объем грунта, который мог быть извлечен при сооружении рва, будет равен примерно 675 000 кубометрам⁵⁸.

Этот объем грунта следовало не просто извлечь из рва, но переместить, уложить в насыпь вала и утрамбовать. В некоторых пунктах, прежде всего на гребнях скалистых гряд и холмов, которые использовались как командные высоты в трассе вала, необходимо было, вероятно, не только доставить и уложить грунт, но и соорудить или восстановить лежащую в основании насыпи вала кладку-крепиду, предотвращавшую ее деформацию. Если предположить, что к моменту восстановления вал сохранился в среднем на половину своей первоначальной высоты, то по самым минимальным подсчетам общий объем грунта, который необходимо было уложить для наращивания вала, должен был составить не менее 487 500 кубометров⁵⁹.

Получив эти минимальные цифры, попробуем рассчитать, какими силами и за какой срок можно осуществить такой объем земляных работ вручную, без применения технических средств, по современным нормам. Взяв за основу «Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы» (М., 1973), а именно: § 2—1—31. (разработка грунта в котлованах и траншеях), пункт а (копание грунта при послойной разработке без применения механических средств), можно заключить, что при глубине разрабатываемого слоя более 3—4 м норма времени на 1 человека составит 10,5 часов при глинистом грунте средней крепости (табл. № 1, с. 12). При ширине траншеи более 4 м норма времени увеличится еще на 1 час 15 мин (табл. № 4, с. 126). Следовательно, по современным нормам при подобных работах землекоп должен вынимать 1 кубометр грунта за 11 часов 45 мин.

Допустим, что в экстремальных условиях военного времени, при критической стратегической ситуации, сложившейся на Боспоре в первой четверти V в., режим работы строителей тиритакского рубежа был более жестким, а темпы более высокими. Учитывая это, предположим, что один древний землекоп мог вынимать 1 кубометр грунта за 10 часов. Отсюда следует, что только для того, чтобы расчистить ров, заплывший, например, на 1/3 своей первоначальной глубины, т. е. извлечь из него

⁵⁸ Вычисления произведены по формуле: $\left(\frac{A+a}{2} \times h\right) \times L$, где A — ширина рва по верху, a — ширина по дну, h — глубина рва, L — общая длина рва.

⁵⁹ Вычисления произведены по формуле: $\left(\frac{B+b}{2} \times \frac{h^1}{2}\right) \times L^1$, где B — ширина вала в основании, b — ширина по гребню, h^1 — первоначальная высота вала, L^1 — общая протяженность.

450 000 кубометров грунта, отряду землекопов численностью, к примеру, в 2000 человек должно было потребоваться не менее 225 рабочих дней при интенсивнейшем режиме труда. На перемещение и трамбовку вынутого грунта, добычу и доставку камня для ремонта крепити, а также для придания валу необходимого для обороны профиля должно было потребоваться, надо полагать, как минимум, еще столько же рабочих и такое же количество времени. Следовательно, расчеты позволяют предположить, что только для восстановления рва и обновления вала необходимо было затратить труд 4000 строителей и землекопов в течение 450 рабочих дней.

Но перечисленными операциями работы не ограничивались: по всей трассе вала необходимо было еще возвести брустверную стенку, а также систему сторожевых и опорных пунктов, поскольку без этих сооружений успешная оборона рубежа была невозможна. Даже если предположить, что восстановленный Тиритакский вал был снабжен самыми простыми укреплениями, сооруженными из сырцового кирпича, деревянных брусьев и рваного камня (такими, например, как ранние стены Тиритаки), то все же в наших расчетах срок строительства придется еще увеличить на 200—250 рабочих дней, а количество строителей еще человек на 500.

Напряженный труд строителей в степи требовал хорошо организованного снабжения людей и тягловых животных питьевой водой и пищей, эффективного контроля и своевременного обеспечения инструментом и строительными материалами; для этих целей должно было выделяться еще определенное количество людей. Наконец, серьезнейшую проблему должна была представлять охрана строительства, растянувшегося в открытой степи на многие километры, от нападений отрядов кочевников, которые, несомненно, должны были всячески препятствовать этим фортификационным работам. Для охраны и обороны организаторы строительства должны были располагать по меньшей мере 2—3 тысячами конных воинов-стрелков. Итак, по самым приблизительным подсчетам, на восстановление и перестройку тиритакского рубежа могло потребоваться не менее двух лет напряженного труда, причем в осуществлении этой серьезной фортификационной программы могли быть заняты в течение всего этого срока от 7 до 8 тысяч дееспособных и боеспособных мужчин.

В связи с результатами произведенных расчетов естественно возникает вопрос: располагал ли Боспор в первой четверти V в. до н. э. таким количеством мужского населения? Большинство исследователей единодушно в том, что после 480/79 г. в состав государственного объединения Археанактидов на европейской стороне пролива входила территория, защищенная тиритакским рубежом, с городами Пантикапей, Тиритака, Мирмекий, Порфмий, а на азиатской стороне — острова с городами Фанагория, Кепы и Гермонасса. Археологические исследования указывают на то, что в рассматриваемый период площадь даже крупнейшего из боспорских городов, Пантикапея, не превышала 9 га⁶⁰. Следует полагать, что и численность населения в Пантикапее и Фанагории вряд ли была более 2—3 тысяч человек в каждом. Остальные центры Боспора значительно уступали этим главным городам и по площади, и по количеству жителей.

Исходя из общей площади территории Боспорского государства в рассматриваемый период, а также общего количества и размеров его городов, можно заключить, что численность населения полисов, объединившихся под главенством Археанактидов, включая и сельских жителей, вряд ли могла значительно превышать 15 000 человек. В таком случае число взрослого боеспособного мужского населения не могло быть более 5000 человек⁶¹. Следует учитывать также, что значительная часть населения Бос-

⁶⁰ Блаватский. Пантикапей, с. 27 — план, с. 49.

⁶¹ Из расчета, что взрослое мужское население составляло около одной трети всего населения. Ср. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. Античный мир. М., 1936, с. 51.

пора проживала по другую сторону пролива, т. е. была отделена от места строительства серьезным водным рубежом.

Учитывая жизненную необходимость и масштабы фортификационных работ по восстановлению тиритакской оборонительной линии, есть основания предполагать, что на это строительство были мобилизованы все силы государства Археанактидов, т. е. произведена перегруппировка людских ресурсов с азиатской стороны пролива на находившуюся под постоянной угрозой европейскую. И все же, как показывают расчеты, этих сил не могло быть достаточно для осуществления в сжатые сроки, в условиях военной обстановки столь трудоемкой (даже по современным нормам) фортификационной программы. Более того, мобилизация большей части мужского населения Боспора на выполнение в течение 2—3 лет трудоемких и непроизводительных фортификационных работ, несомненно, должна была парализовать его экономическую и культурную жизнь.

Между тем имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на нормальный процесс развития экономики Боспорского государства в первой — второй четверти V в. В области градостроительства наблюдается переход к массовому наземному многокамерному домостроительству⁶², наиболее важные в политическом и стратегическом отношении города — Фанагория, вероятно Пантикапей, а также Тиритака и Мирмекий — окружаются дорогостоящими оборонительными стенами. Особо следует отметить, что именно в этот период на акрополе столицы боспорского объединения — Пантикапея осуществляется сооружение грандиозного даже по масштабам Средиземноморья храма Аполлона (о значении которого речь пойдет ниже). Серьезным показателем нормального развития государства служит также и стабильность монетной чеканки Пантикапея в первой половине V в.⁶³

Как разрешить это возникшее в процессе нашего исследования противоречие? Отказаться от гипотезы о скифской экспансии и восстановлении тиритакского рубежа в качестве стратегической контрмеры, предпринятой объединившимися в симмахию боспорскими полисами, не позволяют приведенные выше факты и наблюдения. Нет также оснований предположить, что количество населения на Боспоре в данный период было значительно больше. Предположение о более длительном сроке восстановления Тиритакского вала, скажем, в течение 4—5 лет, также не состоятельно, поскольку в таком случае подобное оборонительное мероприятие утрачивает всякий смысл, превращаясь в бесполезную трату людских жизней и средств.

Приведенные соображения заставляют искать другое решение этого вопроса. Поиски приводят на азиатскую сторону пролива и предполагают наличие третьей силы, которая смогла в решающий момент оказать помощь боспорским эллинам в борьбе за независимость. Такой силой в рассматриваемый период могли быть только *синды*. Данные археологии и отрывочные свидетельства античных авторов указывают на то, что к началу V в. отношения между боспорскими эллинами и синдами прошли значительный путь развития. Они характеризовались прочными и стабильными связями в области экономики, культуры, в сфере религиозной жизни. Значительные контингенты синдского населения, прежде всего западного района Синдики, непосредственно граничившего с расположенными на побережье греческими центрами, подверглись сильной эллинизации⁶⁴. Кроме того, кочевников-скифов, совершавших грабительские зимние походы в земли синдов, земледельцы-синды должны были считать исконными врагами,

⁶² Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982, с. 151 сл.

⁶³ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 13—16.

⁶⁴ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 92 сл., 97; *Kruškol J.* Die griechischen und autochthonen Städte der Sindike (Nordkaukasien) im Bosporanischen Reich im 4. und 3. Jh. v. u. Z.:— In: *Hellenische Poleis*, II. В., 1974, S. 608 f.; Шелов Д. Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье..., с. 238 сл.

особенно в условиях общего ухудшения военно-политической обстановки, вызванной скифской экспансией. Все это позволяет предположить, что в первой четверти — середине V в. синды и боспорские греки имели в лице скифов общего грозного противника, коллективная защита от которого была единственной гарантией сохранения их независимости. В качестве гипотезы можно предположить, что в 70-х гг. V в. между симмахией боспорских полисов и вождями западных синдов был заключен военно-политический союз для совместной борьбы против скифской агрессии⁶⁵.

Нет ничего невероятного в предположении, что синдские вожди, заинтересованные в предотвращении грабительских скифских походов или в максимальном уменьшении их эффективности, предоставили в распоряжение боспорских стратегов и архитекторов необходимое число воинов и рабочих, которые совместно с частью населения Боспора в короткий срок восстановили тиритакский рубеж и организовали успешную его оборону. Если в открытом полевом сражении ни синды, ни боспорцы не были способны успешно противостоять скифским отрядам, то под защитой Тиритакского вала их объединенные силы смогли создать непреодолимый заслон для кочевников.

Предполагаемое восстановление тиритакского рубежа объединенными усилиями боспорских эллинов и синдов должно было предоставить Археанактидам не только эффективное средство стратегической обороны, но и дать мощный рычаг контроля над сезонными передвижениями скифов из Восточного Крыма на азиатскую сторону Киммерийского Боспора. Здесь мы подходим к вопросу, тесно связанному не только непосредственно с темой данного исследования, но и с проблемой экономических и политических отношений между туземным и эллинским населением всего Боспорского региона в VI—V вв., а именно, к вопросу о походах и сезонных перемещениях больших контингентов кочевого скифского населения из Восточного Крыма на Таманский полуостров через территорию хоры боспорских полисов и пролив.

Античные авторы определенно указывают на то, что Керченский пролив — Боспор Киммерийский традиционно служил важнейшим пунктом, связывавшим европейскую и азиатскую (по античным представлениям) части Северо-Восточного Причерноморья⁶⁶. Походы скифов-номадов, обитавших в степях Восточного Крыма, в Прикубанье в зимний период представляли собой, надо полагать, одну из важнейших, жизненно необходимых особенностей их экономики. Эти походы позволяли скифам не только осуществлять внеэкономическое принуждение по отношению к подвластным им или зависимым от них в рассматриваемый период земледельческим племенам Прикубанья⁶⁷, но и сберегать свои табуны и стада от бескормицы и падежа в период суровых зим и гололедицы в степях Крыма (Herod., IV, 28)⁶⁸.

В этой связи существенное значение приобретает вопрос о том, в каких пунктах пролива были возможны переходы по льду, а также — как могли быть организованы подобные зимние переправы множества людей и животных. Важные выводы по первому вопросу позволяет сделать изучение топографических и климатических особенностей района Керченского пролива и его побережья⁶⁹. Длина пролива 22 мили, наименьшая ширина составляет около 2 миль. Пролив мелководен, его глубины лежат в пределах 5—17 м. Южный вход в пролив находится между мысами Такиль и

⁶⁵ Предположение о возможности подобного союза было высказано Т. В. Блаватской (Очерки политической истории..., с. 98).

⁶⁶ Herod., IV, 12; 45; Anon., P. P. Eux., 69, 76 = SC, I, с. 280, 282; Steph. Byz. = SC, I, с. 264; Гайдукевич. Боспорское царство, с. 32 сл.; Вахтина, Виноградов, Рогов. Ук. соч., с. 155—161.

⁶⁷ Herod., IV, 20; Xen., Comm. II, 1, 10.

⁶⁸ Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч., с. 258 сл., прим. 251.

⁶⁹ Приведенные ниже сведения относительно Керченского пролива взяты из «Лодии Черного моря» (Л., 1968).

Рис. 6. Боспор Киммерийский в первой половине V в. до н. э.: 1 — граница распространения льда в проливе в суровые зимы; 2 — крайний возможный пункт зимних переправ в районе Нимфея; 3 — наиболее удобный пункт переправ в районе Порфмия; 4 — города и населенные пункты; 5 — Тиритакский оборонительный рубеж

Панагия, северный — между мысами Хрони и Ахиллеон (рис. 6). Керченский пролив имеет своеобразный ледовый режим. Лед здесь бывает главным образом наносный, из Азовского моря и частично местного происхождения. Появление льда наблюдается ежегодно, а в суровые зимы лед отмечается вдоль берегов до портов Феодосия и Анапа. Пролив труден для навигации ввиду частого скопления, сжатия и дрейфа льдов в нем. Очищение пролива от льда наступает в марте, реже в феврале или первой половине апреля. В суровые зимы лед устанавливается на акватории от северного входа в пролив до мысов Панагия и Карабурун. От мыса Карабурун лед держится полосой вдоль западного берега до мыса Такиль (рис. 6). Зимой на восточном побережье Керченского полуострова чаще всего отмечаются ветры от N и NO, повторяемость которых колеблется от 10 до 47%. Наибольшая скорость ветра в зимний период составляет в среднем 3—8 м в секунду. Во входах в пролив наблюдаются наиболее сильные и устойчивые течения.

Сопоставим приведенные сведения с данными о Керченском проливе, содержащимися в «Географии» Страбона (XI, 2, 8): «Селение Корокондама является концом так называемого Киммерийского Боспора. Так именуется узкий пролив у входа в Меотиду; он тянется от теснин между Ахиллеем и Мирмекием вплоть до Корокондамы и маленького селения по имени Акра, лежащего напротив в области пантикапейцев; Акра отделена от Корокондамы проливом в 70 стадий шириной. Ведь лед простирается также до этих пор, когда во время морозов Меотида замерзает, так что по льду можно ходить пешком»⁷⁰. Важные сведения приводит Страбон (XI, 2, 6) и относительно ширины пролива в наиболее узком и удобном для переправы пункте, в котором, согласно античному географу, ширина пролива равна примерно 20 стадиям (около 3,5—3,6 км). Эти данные соответствуют расстоянию, указываемому на современных картах. Отсюда можно заключить, что в античный период ледовый режим,

⁷⁰ По мнению М. И. Ростовцева, Страбон в описании климата данного района использовал «Географию» Эратосфена — автора III в. до н. э. (Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора. — В кн.: Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 369 сл.).

Рис. 8. Вновь найденные ордерные детали храма Аполлона: 1 — понийская капитель, известняк (раскоп Новый Верхний Митридатский, 1979 г.); 2 — фрагмент оформления фриза-зофора (?), мрамор (раскоп Центральный, 1980 г.)

Вклейка к ст. Соломоник Э. И., стр. 72

Рис. 1. Новая надпись из Херсонеса

а также климатические и топографические условия в районе Керченского пролива были близки к современным.

На основании приведенных выше сведений относительно особенностей топографии, климата и ледового режима в проливе можно сделать вывод, представляющий интерес для воссоздания условий зимних переправ в античный период через Боспор Киммерийский: эти переправы были возможны на участке акватории от южного входа в пролив (мыс Карабурун — мыс Панагия) до северного входа (мыс Хрони — мыс Ахиллеон). Следовательно, район побережья возле мыса Карабурун есть тот крайний пункт на европейском берегу Боспора, в котором еще возможно осуществить переход по льду в зимний период на азиатскую сторону, в район мыса Панагия (рис. 6). Следует особо подчеркнуть это обстоятельство, поскольку оно имеет принципиальное значение для реконструкции исторических событий рассматриваемого периода.

Как известно, на мысе Карабурун и прилегающем плато находятся остатки древнего Нимфея, а также его некрополь с группами курганов и грунтовыми погребениями⁷¹. К северу от обрывистых склонов плато, на котором стоял город, простирается низменность, занятая Чурубашским озером и ныне осушенными болотами и плавнями. Надо полагать, что именно наличие этой заболоченной низменности, простирающейся с севера на юг на 4 км, послужило одной из главнейших причин, не позволивших боспорцам включить Нимфей в пределы территории, защищенной тиритакским рубежом.

Основанный около первой четверти VI в. до н. э. Нимфей, обладавший удобной гаванью и расположенный в одном из наиболее плодородных районов восточного побережья Керченского полуострова (Strabo, VII, 4, 6), уже на раннем этапе своего развития вошел в число наиболее важных экономических и культурных центров Боспора. Стратегически выгодное местоположение Нимфея на плато мыса Карабурун должно было обеспечивать ему еще одно важное преимущество — контроль над крайним южным пунктом побережья Европейского Боспора, в котором еще была возможна переправа в зимний период по льду пролива на азиатскую его сторону, в район мыса Панагия. Это обстоятельство, игравшее, вероятно, и прежде существенную роль во взаимоотношениях нимфейских эллинов с местным, прежде всего скифским, населением могло решающим образом повлиять на судьбу города, на специфику его развития в последующий период, ознаменовавшийся скифской экспансией и образованием государства Археанактидов.

Подобная точка зрения, не высказывавшаяся, насколько мне известно, прежде в литературе, требует специальной аргументации и более подробного рассмотрения. В свое время В. Д. Блаватским было выдвинуто интересное предположение о том, что сооружение (или восстановление) тиритакского оборонительного рубежа боспорскими эллинами должно было лишить скифов возможности осуществлять походы через замерзший пролив в наиболее удобном для этого пункте — в районе Порфмия (совр. поселки Опасное, Жуковка). Эта стратегическая контрмера государства Археанактидов должна была вынудить скифов обходить вал южнее Тиритаки⁷². Но, как было показано выше, единственным пунктом, лежавшем южнее линии вала и Тиритаки, в котором еще было возможно осуществить зимнюю переправу, был Нимфей (рис. 6). Материалы раскопок архайческих слоев Нимфея и его некрополя указывают на то, что уже к середине VI в. город стал центром притяжения варварского, главным образом скифского населения⁷³. В период наступившей дестабилизации,

⁷¹ Латышев. ПОНТИКА, с. 398; Гайдукевич. Боспорское царство, с. 174; Худяк. Ук. соч., с. 10.

⁷² Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей, с. 14 сл.; Сокольский. Валы в системе обороны..., с. 94.

⁷³ Грач. К характеристике этнического состава..., с. 260 сл., 266.

в условиях военной экспансии скифов указанная этносоциальная особенность состава населения Нимфея могла послужить серьезным фактором, способствовавшим в новых условиях включению города в сферу скифского военно-политического контроля. Этому способствовало и то обстоятельство, что в силу специфики своей топографии Нимфей оказался вне пределов территории, защищенной Тиритакским валом ⁷⁴.

После предпринятых объединенными усилиями боспорских эллинов и синдов стратегических мер по организации обороны от набегов и походов скифов Нимфей — единственный доступный для них пункт зимних переправ, а также крупный экономический центр, порт и важный стратегический плацдарм — приобретал для скифских властителей исключительное значение. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что после 480/79 г. Нимфей оказался под протекторатом скифов ⁷⁵. Если прежде такое предположение показалось бы по меньшей мере фантастичным, то в настоящее время благодаря серьезным успехам в изучении раннего периода истории Ольвии и северо-западного региона Причерноморья факт установления скифского протектората над рядом эллинских полисов, Ольвией и Никоном, в V в. может считаться твердо установленным или весьма вероятным ⁷⁶. Подобная ситуация могла сложиться в рассматриваемый период и в Нимфее.

Сильным аргументом в пользу высказанного предположения служит зафиксированное в некрополе Нимфея наличие целой группы богатых курганых захоронений, особенности конструкции, состав инвентаря и обряд которых свидетельствуют о том, что здесь погребены представители скифской знати, однако совершенно явны значительные признаки их эллинизации ⁷⁷. Примечательно, что ряд особенностей погребального обряда и инвентаря этих захоронений, датируемых серединой — второй половиной V в. ⁷⁸, обнаруживает черты, свойственные синхронным погребениям туземной знати Прикубанья (ранние Семибратские курганы) ⁷⁹. Эти особенности засвидетельствованы также для группы грунтовых погребений некрополя Нимфея ⁸⁰. В то же время некоторые существенные признаки указывают на близость нимфейских захоронений и скифских погребений Восточного Крыма и Приднепровья ⁸¹, что вызвало полемику

⁷⁴ Можно предположить, что Нимфей несколько ранее других боспорских центров испытал потрясения, связанные со скифской экспансией. Такое предположение, конечно предварительного характера, позволяет сделать следующие факты: упомянутый выше клад пантикапейских серебряных монет, сокрытый на рубеже VI—V вв. до н. э. в стене дома, пожар в святилище Деметры, датируемый концом VI в. до н. э., а также еще одно свидетельство, полученное в ходе раскопок некрополя Нимфея в последние годы. Речь идет о мужском захоронении А-44, относящемся к последней четверти VI в. до н. э. Погребенный был убит стрелой, наконечник которой обнаружен в левой лопатке костяка (см. *Грач. К характеристике этнического состава...*, с. 263). Эту находку следует сопоставить с серией погребений на поселениях и в некрополях Ольвийского полиса, датируемых концом VI — первой четвертью V в. В них обнаружены насильственно убитые, в том числе и дети, сраженные скифскими стрелами (*Ганджа А. И., Мошкова Л. В., Отрешко В. М.* — АО 1977 г. М., 1978, с. 310; *Виноградов. Синопа и Ольвия...*, II, с. 59, прим. 67).

⁷⁵ Вопрос о возможности существования скифского протектората над Нимфеем в рассматриваемый период — проблема сложная, выходящая за рамки данного исследования. В последнее время она была поставлена и рассмотрена в комплексе с другими вопросами истории Боспора VI—IV вв. до н. э. Ф. В. Шеловым-Коведяевым, и хотелось бы отметить, что исследователь, рассматривая эту проблему на широком историческом фоне, независимо от автора настоящей статьи, приходит к аналогичному выводу (*Шелов-Коведяев. Ук. соч.*, с. 9).

⁷⁶ *Vinogradov. Op. cit.*, S. 73, 77 f.; *Виноградов. Синопа и Ольвия...*, II, с. 57 сл.

⁷⁷ *Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf.*, 1922, p. 54, 78; *idem. Skythien und der Bosphorus. B.*, 1931, S. 149; *Гайдукевич. Боспорское царство*, с. 278 сл.

⁷⁸ *Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея.* — МИА, 69, 1959, с. 3 сл., 93—97.

⁷⁹ *Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове.* — Известия Крымского отд. Геогр. общ. СССР, вып. 7, 1957, с. 69 сл.

⁸⁰ *Грач. К характеристике этнического состава...*, с. 265.

⁸¹ *Силантьева. Ук. соч.*, с. 70 сл., 87 сл., 96.

среди специалистов⁸². Между тем предложенная гипотеза о специфике местоположения Нимфея и его роли в военно-политической ситуации, сложившейся в регионе в первой половине V в., позволяет найти объяснение этому феномену. Находившийся под скифским контролем Нимфей превратился в важнейший связующий пункт в системе коммуникаций между европейской и азиатской сторонами пролива и к середине V в. стал центром концентрации и оседания скифской военной аристократии, дружинников и рядового населения (тем более что эта тенденция была характерна для Нимфея и в более ранний период). Естественно, этот процесс нашел свое отражение в некрополе города, определив его совершенно особый, можно сказать, уникальный характер, отличающий его от некрополей других боспорских центров середины V — начала IV в.⁸³

В связи с высказанной точкой зрения о том, что в определенный период Нимфей был для скифов единственно доступным пунктом зимних переправ на азиатскую сторону пролива и контролировался ими, следует рассмотреть вопрос о возможности осуществления скифами этих ледовых переходов. Приведенные выше сведения о климатических условиях в районе Керченского пролива и ледовом режиме в нем свидетельствуют о том, что крайний возможный пункт переправы на участке между мысом Карабурун и мысом Панагия был далеко не самым удобным и безопасным для зимних коммуникаций. Особенно трудоемкую задачу должна была представлять организация переправы по льду, изобилующему трещинами и промоинами, при столь частых здесь в зимний период штормовых ветрах, значительных контингентов конницы — основной ударной силы скифов, повозок с грузами, а главное — больших табунов и стад. Но неизмеримо более сложной становилась подобная переправа по 12-километровому ледовому «мосту» в условиях военного времени, когда на левом фланге у скифов, осуществлявших ледовую переправу, находился целый укрепленный район Европейского Боспора, готовый к обороне или нападению. Конечно, переходы по льду на столь сложном и протяженном участке пролива должны были занимать значительное время, а в конечных пунктах переправы должны были существовать населенные пункты, возле которых скифы в период переправ имели бы возможность сосредоточиться, перестроить свои порядки или выждать благоприятной погоды. На европейском берегу таким плацдармом служил Нимфей, на азиатской же стороне, как раз напротив Нимфея, был расположен другой населенный пункт — Корокондама, которому, вероятно, принадлежал знаменитый Тузлинский некрополь. Н. П. Сорокина, специально изучавшая материалы некрополя, отмечает не только очень высокий процент погребений с обрядом, присущим туземному, вероятно, синдскому населению, но делает заключение, весьма важное для данного исследования, а именно: в могилах VI в. предметы вооружения отсутствуют, зато в погребениях рубежа VI—V вв. и V в. зафиксировано очень большое количество оружия⁸⁴. В этом изменении в погребальном обряде, происшедшем именно в рассматриваемый период, следует видеть отражение общего ухудшения военно-политической обстановки на Боспоре. Вероятно, здесь мы получаем еще одно археологическое свидетельство, подтверждающее гипотезу о дестабилизации обстановки в регионе в связи со скифской экспансией.

Говоря о роли Корокондамы в качестве предполагаемого пункта, в районе которого после переходов по льду замерзшего пролива сосредоточивались скифские отряды перед походами в глубь Синдики, следует отметить еще один весьма интересный факт: самое высокое на Боспоре

⁸² Там же, с. 89—91.

⁸³ Грач. К характеристике этнического состава..., с. 266; *Силантьева*. Ук. соч., с. 95—97.

⁸⁴ Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М., 1957, с. 21 сл.

число варварских имен, по преимуществу иранского происхождения, именно в надгробиях V в. до н. э. Корокондамы и Нимфея⁸⁵.

Но вернемся вновь с азиатского побережья Боспора Киммерийского на его западные рубежи — к Тиритакскому валу. Реконструируя события рассматриваемого периода, можно предположить, что в результате принятых Боспорским государством стратегических контрмер, превративших восточную оконечность Керченского полуострова в сильно укрепленный район, скифы утратили возможность совершать внезапные разорительные набеги на контролируемую боспорцами часть европейского побережья пролива, а кроме того, осуществлять походы в зимний период по льду через пролив в наиболее узкой и удобной для переправы его части — в районе Порфмия. Это вынудило номадов пользоваться значительно более длинным и опасным путем — в обход тиритакского рубежа с юга, т. е. с нимфейского плацдарма, что в условиях военного времени и зимних холодов должно было значительно снизить интенсивность и эффективность их походов в Синдику и на азиатскую территорию государства Археанактидов. В конечном итоге все это привело к установлению мирных отношений между боспорскими эллинами и союзными синдами, с одной стороны, и скифами, — с другой, но уже в качественно новой обстановке, поскольку теперь военная инициатива прочно перешла в руки Боспорского государства, контролировавшего пролив. Мы располагаем в высшей степени интересным и ценным свидетельством, указывающим на то, что стабилизация обстановки на Боспоре произошла где-то около 60-х годов, во всяком случае не позднее середины V в.

Речь идет об уже упоминавшемся храме Аполлона на акрополе Пантикапея. Впервые детали этого храма были обнаружены в 1945 г. при раскопках близ восточного края верхнего плато горы Митридат⁸⁶. На основании найденных здесь трех спир, двух торусов и блока архитрава с членением на три фации В. Д. Блаватский предположил, что на рубеже VI—V вв. на акрополе был сооружен периптер ионийского ордера, посвященный, вероятно, Аполлону⁸⁷. Позднее И. Р. Пичикином была уточнена реконструктивная схема храма, созданная на основании вновь атрибуированных деталей здания, обнаруженных в Керченском Историко-археологическом музее и Одесском государственном археологическом музее⁸⁸. Была предложена и более точная дата постройки храма — вторая четверть V в.⁸⁹ (рис. 7).

В последние годы Боспорской экспедицией ГМИИ на Новом Верхнем Митридатском и Центральном раскопках были обнаружены новые архитектурные детали, размеры и ордерные особенности которых позволяют отнести их именно к храму Аполлона ионийского ордера. Характерно, что все эти находки сделаны по периметру верхнего плато акрополя или в непосредственной близости от него. Эти вновь найденные детали, которые вскоре станут предметом специального исследования, подтверждают и дополняют реконструкцию храма, предложенную И. Р. Пичикином (рис. 8). Среди этих находок особый интерес представляет большая ионийская капитель, а также фрагменты карниза, украшенные сочными, крупными овами и «сухариками» большого размера, выполненные из местного плотного известняка. В подтверждение предположения

⁸⁵ Vinogradov Yu. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontogebietes. — In: Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucaresti—Paris, 1979, S. 302 f.

⁸⁶ Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. — КСИИМК, XVII, 1947, с. 105 сл.

⁸⁷ Он же. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 гг. и 1952—1953 гг. — МИА, 56, 1957, с. 32.

⁸⁸ Пичикин И. Р. Ионийская капитель из Керчи. — ВДИ, 1974, № 2, с. 105—110; он же. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. — ВДИ, 1975, № 1, с. 122—126.

⁸⁹ Он же. Ордерная архитектура..., с. 120—126.

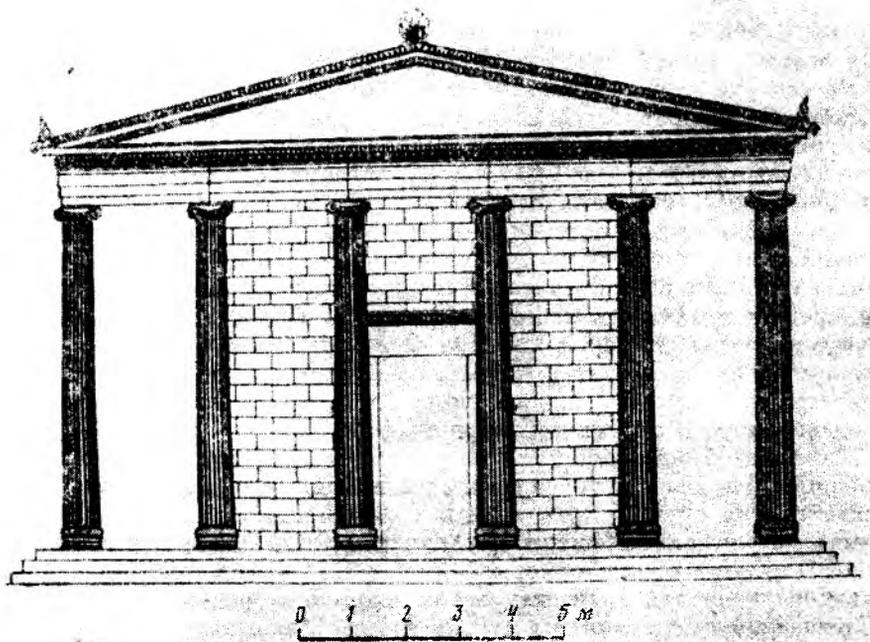

Рис. 7. Фасад храма Аполлона на акрополе Пантикапея. Вторая четверть — середина V в. до н. э. (графическая реконструкция И. Р. Пичикяна)

И. Р. Пичикяна о том, что храм был сооружен в двух материалах, а именно: основные внешние несущие конструкции и антаблемент были выполнены из известняка, а элементы внутреннего декора, например, зофор пронаоса, обрамление входного портала — из высококачественного привозного белого мрамора⁹⁰, были найдены блок и фрагменты мраморного карниза или обрамления фриза-зофора, украшенные великолепным рельефом в виде горизонтальных поясов лесбийского киматия, крупных ов и жемчужника⁹¹. Обращает на себя внимание большая тщательность и мастерство отделки деталей, свидетельствующие о высоком художественно-эстетическом уровне постройки, которая, несомненно, имела доминирующее значение в ансамбле акрополя и всего Пантикапея в это время.

Возведение столь грандиозного, даже по масштабам Сурземного храма на акрополе Пантикапея (ширина по фасаду составляла 14 м, при высоте до 10 м, длина боковых сторон здания достигала 40 м) свидетельствует о том, что именно этот город сразу после объединения боспорских центров под главенством Археанактидов стал столицей нового государственного образования. Посвященный наиболее почитаемому в Ионии и ионийских апоикиях божеству — Аполлону⁹², этот храм должен был выполнять функции не только крупнейшего религиозного центра всего Боспора, но и своего рода символа политического объединения боспорских полисов. Если принять во внимание, что в 494 г. до н. э. персами был взят Милет — метрополия большинства боспорских городов — и разрушен один из главнейших культовых центров Ионии — храм Аполлона в Дидимах (Herod., VI, 18, 19), то сооружение спустя 30—40 лет грандиозного

⁹⁰ Там же, с. 125 сл.

⁹¹ Толстиков В. П. Раскопки Пантикапея в 1979 году. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1979 год. М., 1980, с. 34—36.

⁹² Шелов Д. Б. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах. — КСИИМК, XXXIX, 1951, с. 47 сл.

периптера, посвященного этому же верховному ионийскому божеству на акрополе столицы боспорского объединения и апойкии Милета приобретает особый, прежде всего политический, смысл.

Возведение столь монументального сооружения, которое, несомненно, потребовало от правителей Боспора очень значительных затрат средств и сил, причем в течение довольно длительного промежутка времени, должно было осуществляться уже в период стабилизации обстановки на Боспоре, т. е. после восстановления тиритакского рубежа и отражения скифской экспансии. Поскольку надежно фиксируемые ордерные особенности храма позволяют достаточно точно датировать время его постройки второй четвертью V в., ни в коем случае не выходя за пределы середины этого столетия, следует думать, что победа в совместной борьбе боспорских эллинов и синдов против скифской агрессии была одержана около 60-х гг. V в. В таком случае монументальный храм Аполлона на акрополе столицы государства мог служить также и символом победы в напряженной борьбе за независимость против варваров-скифов.

В эллинской истории и архитектурной практике имеются примеры сооружений-символов такого рода. Выдающимся образцом подобного культового центра служит храм Афины Девы, воздвигнутый в 447—438 гг. до н. э. на восстановленном после персидского разрушения акрополе Афин. Парфенон представляет собой не только крупнейшее произведение эллинской ордерной архитектуры, он задуман и создан как религиозно-политический центр столицы Аттики и всего Афинского морского союза, как главный центр акрополя, увековечивающий победу объединенных эллинских полисов над варварами-персами.

Рассматривая храм Аполлона на акрополе Пантикапея как религиозно-политический символ объединения боспорских полисов, я хотел бы остановиться на одном из наиболее спорных и загадочных вопросов боспорской нумизматики — на проблеме монет с легендой АПОА. Д. Б. Шеловым было убедительно доказано, что серебро двух серий с легендой АПОА чеканилось на Боспоре во второй и третьей четвертях V в. до н. э.⁹³ Тем не менее, несмотря на все усилия специалистов и на ряд ценных наблюдений и остроумных гипотез, возникших в процессе многолетней дискуссии по данной проблеме, вопрос о том, какому боспорскому центру принадлежат эти монетные серии, остается открытым⁹⁴.

Предложенная выше реконструкция исторических событий позволяет, на мой взгляд, наметить новый вариант решения этого нумизматического феномена. Обращает на себя внимание тот факт, что выпуск серебра с АПОА, начатый именно во второй четверти V в., непосредственно совпадает с тем моментом боспорской истории, когда была остановлена экспансия скифов и на акрополе Пантикапея сооружен грандиозный храм Аполлона — символ победы боспорских эллинов. Не исключено, что первые выпуски этих монетных серий могли быть приурочены к началу постройки храма, которая, как уже говорилось, должна была потребовать весьма значительных расходов и усилий. Не разделяя мнения В. А. Анохина относительно храмового характера этой чеканки, я хочу лишь подчеркнуть связь двух этих событий, рассматривая их как звенья

⁹³ Шелов. Монетное дело Боспора..., с. 27, прим. 2.

⁹⁴ Основные точки зрения по данной проблеме изложены в следующих работах: Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 16, 1951, с. 165 сл.; Шелов. Монетное дело Боспора..., с. 23—26; Блаватский. Архаический Боспор, с. 17, 25 сл.; Крушкова Ю. С. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник. — ВДИ, 1950, № 1, с. 183—188; Дюков Ю. Л. О монетах с изображением львиной головы и надписью АПОА. — ВДИ, 1975, № 4, с. 71—74; Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии. — МАСП, № 4, 1962, с. 223—227. Как любезно сообщил автору Ю. Г. Виноградов, по мнению В. А. Анохина, высказанному в устной форме, это серебро следует считать храмовой чеканкой, осуществлявшейся в Пантикапее.

единой, целенаправленной политической программы, осуществлявшейся властителями Пантикапея в период после отражения скифской агрессии, в момент становления Боспорского государства⁹⁵.

⁹⁵ Недавно в докладе на конференции, посвященной памяти В. Ф. Гайдукевича (Ленинград, февраль 1984 г.), Ю. Г. Виноградовым была предложена новая, по моему мнению, наименее уязвимая интерпретация боспорских монет с надписью АПОА. Позволю себе привести выдержку из тезисов его доклада, любезно предоставленных в мое распоряжение автором: «Монеты с АПОА предлагается трактовать как эмиссию конфедерации боспорских полисов — одновременно военной симмахии и религиозной амфикионии, а в самой легенде видеть имя бога Аполлона Врача с присущими ему широкими сотерическими функциями. Монета билась от имени храма этого бога, строительство которого на акрополе Пантикапея приходится как раз на вторую четверть V в. Это подчеркнуто и монетной эмблемой — львиный скальц, т. е. вотивное приношение в святилище. При этом храме создается общесоюзная казна конфедерации как с оборонным (вооружение, сооружение Тиритакского вала и т. п.), так и с культовым назначением (строительство храма, устройство общеамфикионных празднеств и т. п.). Цель выпуска монеты была тройкой: а) покрытие расходов на оборону, б) обслуживание религиозных празднеств и выплаты по постройке храма, в) политико-пропагандистская: чеканка монеты на пантикапейском монетном дворе вместе с наличием храма Аполлона и общесоюзной казны при нем должны были продемонстрировать лидирующее положение Пантикапея в конфедерации, реальное или формальное существование которой подчеркивалось лишь небольшими различиями в типах и весовой системе монет с АПОА и пантикапейских».

Предлагаемая интерпретация находит как нумизматические, так и исторические аналогии. Так, чеканившиеся в Илионе эллинистические тетрадрахмы с легендой ΑΘΗΝΑΣ ΙΛΙΑΔΟΣ без демотикона были призваны обслуживать совместные религиозные празднества конфедерации троадских и пропонтидских полисов, объединившихся вокруг храма Афины Илионской и создавших союзную казну. С той или иной долей вероятности подобное же можно предположить и для Пессинунта, Перги, Аполлонии Понтийской. Ионийские (преимущественно милетские) колонисты прибыли на берега Боспора Киммерийского с уже готовой идеей Додэкаполиса ионийских полисов, сплотившихся некогда вокруг общего святилища — Паниониона, что могло подсказать им создать на новом месте подобную же амфикионию с центром в пантикапейском святилище Аполлона. В том же 479 г., когда к власти на Боспоре пришли Археанактиды, афижане создают оборонительный (по первоначальному замыслу) союз — Делосскую лигу, казна которой (для военных и религиозных расходов) со временем переносится с Делоса в Афины.

Чеканка монет с АПОА прекращается в последней четверти V в. (или чуть раньше), когда с приходом к власти новой династии Спартокидов окончательно складывается единая Боспорская держава и надобность в существовании — даже видимом — конфедерации боспорских полисов отпадает».